

В. Л. Шибанов

ТЕМА КОЛОНИЗАЦИИ В РОМАНЕ КЕДРА МИТРЕЯ «ТЯЖКОЕ ИГО»

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-52-56

УДК 82-3 ББК 83.3(2)

Статья посвящена проблеме колонизации севера Удмуртии, раскрытой на примере антицерковного романа Кедр Митрея «Тяжкое иго». Кедр Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов, 1892–1949) изображает процесс христианизации в качестве одного из главных инструментов колонизации удмуртов в XIX в. Местные жители перенимают у переселенцев навыки обработки земли, обустройства избы, удмурты и русские образуют межнациональные семьи. Удмуртский крестьянин Дангыр и русский священник Иларий являются ключевыми образами в романе. Дангыр отрицательно относится к строительству новой второй церкви, так как Иларий использует большую часть ресурсов в личных корыстных целях. В то же время Дангыр тянется к грамоте, не отказываясь от языческой веры, крестится и учится русскому языку в церковной школе. Автор романа «Тяжкое иго» симпатизирует Дангыру, но и поп Иларий, задуманный как отрицательный персонаж, начинает раскрываться как сложная и противоречивая фигура. Иларий для выполнения своей православной миссии учит удмуртский язык, знакомится с верой и обычаями местного населения, временно освобождает крестившихся крестьян от уплаты налогов. По мнению Кедр Митрея, интеграция в российское пространство является для удмуртов большим благом. Но царская политика, направленная на насильственную христианизацию и не реагирующая на произвол местных чиновников, чаще всего оборачивается злом и становится «тяжким игом» для народа.

Ключевые слова: *удмуртская литература, Кедр Митрей, роман «Тяжкое иго», колонизация, христианизация, художественное пространство*

В удмуртском литературоведении тема колонизации до сих пор не была предметом специального исследования. Выбор романа Кедр Митрея «Тяжкое иго» (1929) в качестве объекта анализа обусловлен тем, что при его создании автор посвятил много размышлений процессу интеграции удмуртов в русское государство. В частности, он пишет: «Какими способами, через кого, через какие учреждения и ведомства проводилась колонизация? Каких персонажей показать носителями тех или иных идей? Надо было создать типы».¹ Цель данного исследования — изучить на идейно-тематическом уровне механизм процесса колонизации, отраженный в романе Кедр Митрея «Тяжкое иго». Если Э. Саид больше обращает внимание на рецепцию западными учеными и художниками особенностей Востока, ставит перед собой задачу «проанализировать и поразмышлять об ориентализме как осуществлении культурной силы»,² то в данной статье исследуется другой

аспект проблемы: каким образом воспринимает местное население переселение русских и какие мифологемы обнаруживаются национальным писателем в качестве противодействующей культурной силы. В связи с этим на первый план выдвигается универсальная оппозиция «свое — чужое», особенно значимая при исследовании механизмов колонизации.

В удмуртском советском литературоведении тема колонизации попала под негласный запрет не только из-за особенностей международной обстановки, но и в связи с оглаской исследования В. Коларза «Россия и ее колонии» (Лондон, 1952), в котором был специальный раздел об удмуртах. Коларз подчеркивал отрицательные последствия переноса столицы из «удмуртского» города Глазова в 1921 г. в «русский» Ижевск, что якобы было направлено против зарождения национальной культуры в целях укрепления советского режима,³ английский исследователь апеллирует к творчеству Кузубая Герда, современника Кедр Митрея. Мысли англичанина позднее поддержал француз Ж.-Л. Моро.⁴ Удмуртские литературоведы еще в 1950-е гг. свободно применяли термин «колонизация», например в коллективном издании «Очерки истории удмуртской советской

¹ Кедр Митрей. Произведение гоэтон азын умой дасяськоно (К написанию произведения надо хорошо подготовиться) // Кылбурет удысын (На nive литературы). 1934. № 6. С. 19.

² Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 63.

³ См.: Kolars W. Russia and her Colonies. London, 1952. P. 53–54.

⁴ См.: Моро Ж.-Л. Панорама удмуртской литературы // Н. С. Кузнецов. Из мрака... Ижевск, 1994. С. 397.

литературы», созданном при Удмуртском НИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. В этом коллективном труде при анализе романа Кедр Митрея «Тяжкое иго» нередко использовался термин «колонизация»: «Писатель мастерски приоткрыл завесу над механикой процесса колонизации удмуртской деревни», «правдиво отражен процесс колонизации — произвол чиновников и миссионерская деятельность христианской церкви».⁵ Но вскоре от этого термина решили отказаться. Показательно, что Ф. К. Ермаков, один из соавторов «Очерков...», в 1975 г. аналогичные суждения о романе Кедр Митрея выражает уже через другие понятия: «он обратился к теме прошлого своего народа — к периоду усиленной христианизации удмуртов», «в романе нарисована потрясающая картина эксплуатации удмуртских крестьян самодержавием, духовенством и местным кулачеством».⁶

Кедра Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов, 1892–1949) получил для своего времени хорошее образование, в 1907 г. поступил в Казанскую инородческую учительскую семинарию, но в 1911 г. был исключен за активно проявленный атеизм. Свое противоречивое отношение к религии и священнослужителям он описал в автобиографической повести «Дитя больного века» (1911), затем в советские годы господства воинствующего атеизма в романе «Тяжкое иго» попытался в художественной форме выразить свое отношение к служителям церкви. Кедр Митрей сам перевел роман на русский язык и напечатал в Москве в 1932 г.⁷ В своей статье «К написанию произведения надо хорошо подготовиться» писатель рассказал о работе над произведением: толчком к его созданию послужили архивные документы, на которые Кедр Митрей наткнулся в 1927–1928 гг. В материалах рассказывалось, каким образом награждали церковных миссионеров на средства трудового населения, и без того отягощенного налогами и всякими поборами. Обдумав сюжетные ходы, писатель написал свой роман буквально за три недели.⁸

В романе Кедр Митрея «Тяжкое иго» основные действия разворачиваются в селе Чебершур (*чебер* — красивый, *шур* — река), в котором рядом со старой деревянной церковью была построена вторая — каменная. Пространство удмуртского села тесно связано с большим географическим миром: уездным городом Глазовым, соседней татарской деревней Дасос, городом Вяткой (оттуда приезжает архиерей на открытие новой церкви) и др. Из числа русских, живущих среди местного населения, выделяется портной Игошка Шатунов: «Приехал сюда из-под Вятки, из тех мест, где из года в год был недород хлеба... Вслед за Игошкой стали переселяться сюда и другие русские с семьями».⁹ Художественное пространство романа включает в себя и Сибирь, где на каторге погиб отец Дангыра, в своем письме призвавший сына не подчиняться угнетателям.

В пространственной организации романа «Тяжкое иго» важное место занимают две оппозиции: священная языческая роща — каменная церковь, низкая обветшалая избушка Дангыра — высокие просторные избы попа Илария. В конечном счете священная роща выгорает из-за пожара, организованного служителями церкви. Избушка Дангыра меняется, прежде всего изнутри: молодой парень по примеру русских увеличил размеры окон, поставил стекла при содействии Игошки, выстлал пол из теса, установил печную трубу и задвижку. Таким образом, цивилизация начинает менять традиционный уклад жизни удмуртов, хотя односельчане и не торопятся брать пример с Дангыра. Примечательно, что русский Игошка Шатунов не воспринимается удмуртами как «чужой», а в ряде случаев может выступать и как «свой», о чем свидетельствует данный пример. Местные жители Чебершура перенимают у переселенцев обычаи, если они видят в них практическую пользу. Так, удмуртские семьи издревле обрабатывали землю кулигами — отдельными участками, но вскоре по примеру русских стали распределять поле на полосы. «Приезжие русские держались сначала обособленно, свысока, чуждались удмуртов. Но проходили годы, и смотришь — русский парень женится на удмуртке, русская девушка выходит замуж за удмурта».¹⁰

«Чужой» не обязательно является носителем угрозы, и, возможно, в некоторых контекстах лучше обратиться к понятию «иной». Так,

⁵ Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск, 1957. С. 62, 63.

⁶ Ермаков Ф. К. Путь удмуртской прозы. Ижевск, 1975. С. 26, 27.

⁷ Обзор критической литературы о романе «Тяжкое иго» см.: Арекеева С. Т., Литовская М. А. Кедр Митрей: тип творческого поведения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Екатеринбург: Ижевск; Сыктывкар, 2014. С. 481–485.

⁸ См.: Кедр Митрей. Произведение гоhton азын умой да-сяськоно. С. 19.

⁹ Он же. Избранное. Ижевск, 1965. С. 27, 28.

¹⁰ Там же. С. 28.

Дангыр изначально нейтрально настроен к русским. Дангыр и его спутники зимой по пути в город Глазов неожиданно наткнулись на новое поселение, где еще год назад «царствовал густой лес»: «Из избы вышли три мужика, крепкие, коренастые, с широкими бородами; за ними столпились бабы и ребятишки. У мужчин в руках ружья, унимают они рвущихся к путникам собак».¹¹ Встреча с вооруженными незнакомцами не вызвала особой тревоги, так как Дангыр и его односельчане давно привыкли, что «среди удмуртских деревень нередко встречаются русские поселки. Удмурты с русскими достаточно освоились. Но эти жители, видно, пришли сюда из дальнего края».¹² В удмуртскоязычном варианте романа даются сведения еще и о том, что переселенцы тремя семьями живут пока в одной избе, отдушиной им является горячая баня.¹³ Этот и другие текстовые примеры наталкивают на мысль о процессах «переселенческой колонизации», хотя «связь истории с социологией, этнологией и культурной антропологией»¹⁴ представлена в тексте романа «Тяжкое иго» весьма скудно.

Ключевыми образами в романе являются язычник *Дангыр* и священник Илари́й, самобытно представляющие свои нации. Удмуртское слово «Дангыр» является звукоподражательным и изображает громкий шум; в то же время оно включает в себя слово «дан» (слава), а по звуковому составу близко к слову «гондыр» (медведь), что отсылает к противоборству охотника Дангыра и лесного медведя, которому в романе посвящен отдельный эпизод.

Дангыр растет без отца, у него нет братьев и сестер, поэтому он не похож на других сородичей и ведет себя не так, как остальные. Илари́й с трудом выносит выходки Дангыра, и тем неожиданней становится просьба последнего принять его в открывающуюся церковную школу: «Что же? Не принять тебя в школу не могу... Только сначала тебе надо креститься. Без промысла Божьего толку не получишь от учения».¹⁵ Отсюда не следует, что молодой парень начал симпатизировать Иларию; напротив, будучи с ним рядом, обнаружил еще больше изъянов в характере священнослужителя

(высокомерие, жестокость, страсть к дармовой еде и спиртному, никчемность в преподавательской работе). Практическому письму и чтению школьников выучил, в конечном счете, церковный дьякон.

Дангыр — бунтарь, но отнюдь не антицерковные настроения заставляют героя встать на путь единоличной борьбы, хотя все его беды так или иначе можно связать со строительством новой каменной церкви. Внутреннему протесту, вылившемуся в физическое избиение окружного чиновника, предшествует череда событий, по-своему отражающая колонизационные процессы в регионе. Повышение статуса села требует размещения в нем волостных властей, и на должность старшины прибывает «тучный фельдфебель с бакенбардами», а писарь, перелистывая церковные записи попа Илария, «потирал руки от удовольствия и ухмылялся в длинные усы».¹⁶ На содержание волостных властей потребовались особые поборы с крестьян, обычные подати оказались недостаточными. И вскоре подрядчик по постройке церкви и часовни обнаруживает долги, не погашенные жителями села. «А тут пришел еще приказ из Вятки, который сулил крестьянам новое разорение. Архиерей соблаговолил наградить попа Илария за его ревностную службу православию серебряным крестом и драгоценными камнями. Подарок он решил преподнести от имени крещеных удмуртов и за их счет».¹⁷ Крестьяне, не способные платить данные поборы, были жестоко избиты, но это не привело к внешним протестам — лишь Дангыр решил отомстить измывавшемуся над ним окружному чиновнику, подкараулив его на лесной дороге. Для Дангыра и подрядчик, и архиерей, и чиновник становятся «чужими» в прямом значении этого понятия, то есть притеснителями и носителями угрозы.

Переосмысление извечной оппозиции «свое — чужое» в процессе колонизации является одной из больших заслуг романиста Кедр Митрея. В процессе межкультурной коммуникации, как отмечают современные исследователи удмуртской литературы, формируется особый путь осмысления окружающего мира: от предзаданного «своего» к уже знакомому «другому», далее — малоизвестному «иному» и, наконец, к непознанному «чужому», который, благодаря предыдущим опытам межкультурного общения, перестает быть врагом и носителем угрозы, а становится предметом интереса

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Там же.

¹³ См.: Кедр Митрей. Секыт зйбет (Тяжкое иго). Ижевск, 1973. С. 91.

¹⁴ Зубков К. И. Новая региональная парадигма и дискурс колонизации // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 77.

¹⁵ Кедр Митрей. Избранное. С. 55.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Там же.

и познания.¹⁸ Для удмурта Дангыра не весь русский мир предстает в качестве враждебного «чужого». Появление в глухом лесу нового поселения (встреча с вооруженными переселенцами) героем воспринимается как прибытие «иных» людей, которые со временем волеются в общий трудовой ритм региона. В качестве «других» предстает в романе большая часть других переселенцев (дьякон, писарь и др.). Более того, русские люди могут стать и «своими» (упоминание о межнациональных свадьбах). Заметим, что обращение Кедр Митрея к дореволюционной эпохе России не сковывало его в описании острых межнациональных отношений — напротив, господствующая идеология 1920-х гг. поощряла критику в адрес политики царских властей.

Самым сложным образом в романе «Тяжкое иго» оказывается священник Иларию, изначально задуманный как «чужой». Развенчав его как плохого служителя церкви (но не как представителя русской нации), изобразив его в ряде ситуаций сатирическими красками, Кедр Митрей счел нужным ввести в свой текст историю жизни молодого Илария в Чебершуре, полную драматизма и даже трагизма. У него родилось десять отпрысков, но восемь из них умерли в детстве. Иларию не видел тяги местного населения к православной религии: «Часовня пуста. Поп один молится в ней на коленях. Так и проводит иногда за молитвой день и ночь. А то приведет в часовню жену, заставит ее молиться вместе с собой».¹⁹ Автор романа лишь бегло сообщает эти вещи, не описывая, каких душевных мук стоили Иларию похороны детей, неприятие и равнодушие к нему местного населения.

Возникает вопрос: с какой целью нужны были Кедр Митрею эти упоминания о молодых годах Илария? С точки зрения советской идеологии 1920-х гг. и требований воинствующего атеизма, данные фрагменты были явно не в пользу удмуртского писателя, он мог их не включать в окончательный вариант текста.²⁰ У Кедр Митрея была, судя по всему, какая-то особая симпатия к своему герою, но он не мог говорить об этом прямо. Писатель вольно или невольно использует для изображения Илария «искривляющий объектив», как говорит В. Н. Топоров о

специфическом взгляде Н. В. Гоголя на своих отрицательных героев: «Механизм восприятия и код, которым пользуется автор на определенном этапе творчества, оказываются принудительно «искривляющими», причем это искривление идет под знаком снижения одушевленности, психичности, человечности».²¹ Образ Илария не исчерпан тем, что удалось сказать о нем писателю. Задуманный Кедр Митреем — идеологом отрицательный «чужой» персонаж меняет под пером Кедр Митрея — художника свою натуру и становится «другим». Даже сквозь «искривляющий объектив» писатель дает понять, что служители церкви не были глупыми людьми, а православие в целом не чуждо мировосприятию и миропониманию большей части удмуртского народа. В связи с возникающими неизбежными переменами в хозяйственной и культурной жизни удмуртов А. С. Зуева пишет: «Христианизация воссоздана здесь как исторический процесс, как драматическая борьба против народных традиций и обычаев, против язычества, которое с политической, социальной и нравственной точки зрения уже утратило свои исторические перспективы».²² Ранний этап христианизации удмуртов показан Кедр Митреем как акт добровольно-принудительного действия, когда принявшие новую веру крестьяне освобождаются на пару лет от налогов, но их бремя падает на некрещеных удмуртов, которым в условиях царского гнета не остается иного выбора, кроме как последовать за другими.

Кедр Митрею в художественной форме в рамках своего романа «Тяжкое иго» удалось показать, что процесс колонизации на севере Удмуртии в начале XIX в. был весьма противоречивым. Произвол служителей церкви, местных чиновников и прислуживающих им удмуртов постоянно создает напряженность, готовую вызвать внутренние и внешние протесты. Жестко критикуя царскую политику в отношении национальных меньшинств, автор в то же время признает, что интеграция удмуртов в Российское государство явилась в целом цивилизационным благом и способствовала прогрессу. Положительные герои романа, молодые Дангыр и Дыдык, романтики по природе, которых объединяет «созвучность песен» и «этнический колорит» в отношениях,²³

¹⁸ См.: Лашкевич А. В., Шибанов В. Л. Глобализация и межкультурная коммуникация // Вестник Удмуртского университета. 2002. Вып. 7. С. 65.

¹⁹ Кедр Митрей. Избранное. С. 48.

²⁰ Кедр Митрей пишет, что свой первоначальный текст сократил почти в три раза. См.: Кедр Митрей. Произведение гожгон азын умой дасяськоно. С. 20.

²¹ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 35.

²² Зуева А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск, 1997. С. 70.

²³ Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 204.

сталкиваются с суровой правдой жизни и бросают вызов судьбе. Изначальная оппозиция «свое — чужое» в их сознании обретает множество оттенков, приезжие люди включают в себя не только враждебных недругов, но и «иных», и «других», а в ряде случаев и

«своих». По отношению к переселенцам у удмуртов складываются новые модели поведения, благодаря которым местные жители успешно контактируют друг с другом в пределах территориального государственного образования.

Victor L. Shibanov

Candidate of Philological Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk)

E-mail: shibvik@rambler.ru

THE THEME OF COLONIZATION IN KEDRA MITREY'S NOVEL "HEAVY YOKE"

This article is devoted to the problem of internal colonization of the north of Udmurtia on the example of Kedra Mitrey's anti-church novel "Heavy Yoke". Kedra Mitrey (Dmitry Ivanovitch Korepanov, 1892–1949) depicts the process of Christianization as one of the main instruments in the colonization of the Udmurts in the 19th century. Local residents adopt the skills of land cultivation from Russian settlers. Udmurts and Russians form interethnic families. The Udmurt peasant Dangyr and the Russian priest Ilariy are key characters in the novel. Dangyr has a negative attitude towards the construction of a new second church, since Ilariy uses most of the resources for personal selfish purposes. At the same time, Dangyr is drawn to reading and writing, without renouncing the pagan faith, he is baptized and learns the Russian language at a church school. The author of the novel sympathizes with Dangyr, but the priest Ilariy, conceived as a negative character, begins to reveal himself as a complex and contradictory figure. To fulfill his Orthodox mission, Ilariy learns the Udmurt language, gets acquainted with the faith and customs of the local population, and temporarily exempts baptized peasants from paying taxes. According to Kedra Mitrey, integration into the Russian space is a great boon for the Udmurts, but the tsarist policy, aimed at forcible Christianization and justifying the arbitrariness of local officials, most often turns into evil and becomes a 'heavy yoke' for the people.

Keywords: *Udmurt literature, Kedra Mitrey, novel "Heavy Yoke", colonization, Christianization, artistic space*

REFERENCES

- Arekeeva S. T., Litovskaya M. A. [Kedra Mitrey: Type of Creative Behavior]. *Permskiye literaturny v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti* [Perm Literature in the Context of Finno-Ugric Culture and Russian Literature]. Ekaterinburg; Izhevsk; Syktyvkar: Izd-vo UMTs UPI Publ., 2014, pp. 457–486. (in Russ.).
- Domokos P. *Istoriya udmurtskoj literatury* [History of Udmurt Literature]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1993. (in Russ.).
- Ermakov F. K. *Put' udmurtskoj prozy* [The Path of Udmurt Prose]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1975. (in Russ.).
- Kolars W. *Russia and Her Colonies*. London: Published by George Philip and Son Limited, 1952. (in English).
- Lashkevitch A. V., Shibanov V. L. [Globalization and Intercultural Communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2002, iss. 7, pp. 63–80. (in Russ.).
- Moreau J.-L. [Panorama of Udmurt Literature]. *Kuznetsov N. S. Iz mraka...* [Kuznetsov N. S. From the Darkness...]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1994, pp. 395–402. (in Russ.).
- Ocherki istorii udmurtskoj sovetskoy literatury* [Essays on the History of Udmurt Soviet Literature]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1957. (in Russ.).
- Said E. W. *Orientalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the Orient]. Saint Petersburg: Russkiy Mir Publ., 2006. (in Russ.).
- Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoetiki* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in Mythopoetics]. Moscow: "Progress-Kul'tura" Publ., 1995. (in Russ.).
- Zubkov K. I. ["New" Regional Paradigm and the Discourse of Colonization]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2021, no. 4 (73), pp. 71–78. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-71-78 (in Russ.).
- Zueva A. S. *Udmurtskaya literatura v kontekste yazycheskikh i khristianskikh traditsiy* [Udmurt Literature in the Context of Pagan and Christian Traditions]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1997. (in Russ.).

Для цитирования: Шибанов В. Л. Тема колонизации в романе Кедра Митрея «Тяжкое иго» // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 52–56. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-52-56.

For citation: Shibanov V. L. The Theme of Colonization in Kedra Mitrey's Novel "Heavy Yoke" // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 52–56. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-52-56.